

Лена Берсон в своих стихах – живой рассказчик. У неё выразительны образность и метафорика, точность слова. Кажется, что это сюжетные стихи, а на самом деле повествование, неожиданно меняющее своё содержание, – экспрессия лирического потока, увлекающего за собой читателя.

Д. Ч.

* * *

Юность такая дверка, вывернутая створка.
Юность такая шкурка, тошно носить, а носишь.
Жадной личинкой шубы мёрзлые лижешь корки.
Ездишь играть в театр ради такой одной там.

Куришь гнилую «Яву», чтобы не быть ребёнком.
Слепнешь в очках с мороза, здравствуйте, это Лена.
Видишь, она взлетает в жаркой своей дублёнке
И на лету сжигает снежные эполеты?

Как пожимает руки, как выпивает залпом,
Как, подбирая слово, медлит с горячей спичкой,
Как, отклоняясь вправо, дерзко проходит залом,
И, выходя на сцену, щурится с непривычки.

Пряча своё дыханье за частокол парабола,
Ты ничего не смыслишь в горечи очаговой,
Если пытаются жизнью в доме Бернарды Альбы,
Чтоб ликовала в смерти девочка Антигона.

Юность такая пьеска, вся из постылой правды.
Вся из постыдной боли, чтобы играть навывлет.
Помнишь герань в окошке дома, куда не брали,
Или подъезд, откуда больше никто не выйдет?

Как привязаться к жизни, вымытой детским мылом,
Убранной, как на праздник, вытопанной хрущевке?
Юность такая штука, чтоб ты ни говорила,
Что нестерпимо долго старые сводит счёты.

ТЕРЕЗА

Подруги сказали: «Святой не бывает румяным,
К тому же святые, какие бывали, все вышли.
Давай-ка, Тереза, ты вытряхни всё из карманов
А мы поглядим, не взлетишь ли?»

Ну ладно, ракушки... И камень, совсем не «булыжник»,
Как вы говорили, а найденный летом в Довиле,

Он всё ещё тёплый, солёный, когда его лижешь,
Зелёный, как пьяный компот в запылённой бутyli.

А это – ключи от ворот, от амбара, сарая,
Совсем не от рая, но это, увы, означает,
Что если я вечером всё это позапираю,
То утром кому-то придётся возиться с ключами.

– А что за пакетик? – Не трогай! Стащила на кухне.
– Фу, в пятнах! – Котлеты собакам за дальней рекою.
– Святая стащила! – Да ладно, они бы протухли,
А так накормлю этих дурочек и успокою.

Их небо – за дальней рекой – голубее, чем наше.
Не смейтесь, не смейтесь! Я только вчера проверяла.
И суд, самый страшный, собакам ни капли не страшен,
Не больше, чем выглянуть ночью из-под одеяла.

Когда я не сплю от обиды, дождя и простуды,
Я вижу, что будет, когда мне исполнится тридцать.
Я стану святой, это значит, я больше не буду?
Но я не умею не быть и боюсь научиться.

* * *

Воздух серебром столовым
Болен около реки,
Там, где слова-промыслова
Проплывают косяки.

А над ним, как сахар жжёный,
Туча гаснет возле глаз.
Видно невооружённым,
Безоружным вроде нас.

А ещё видны мы сами,
Что построились гуськом.
Надо только над глазами
Руку сделать козырьком.

Мы скользим без канифоли,
Не поглядывая в зал,

Как ансамбль «Берёзка», что ли,
В чёрно-белом проплывал.

То берёзка, то рябина,
То в снегу, а то в грязи.
Довези до магазина,
До вокзала довези.

Что такого в нашей эре
Долгих зим, коротких лет?
Жизни веришь и не веришь.
Смерти веришь?
Смерти нет.

* * *

Бывает, забуду твой голос над миской лука,
А луковый сок из надреза стекает к ране,
И слёзы, вспухая на зенках двойною лупой,
Мой кухонный мир отражают в фасетках карих.

Я трогаю разные вещи, тираню веки,
Но вижу обманчивым зреньем тряпье и кафель,
Пробитые паром на стёклах сырые ветки
Стекают на раму осиновою дрожью капель.

Кастрюли, я их не любила, увы, взаимно,
Чьи тусклые донца похожи на днища лодок.
Мой мир ограничен, нельзя заглянуть за снимок,
И как человек органичен, и так неловок.

И вот у него под руками гора посуды,
И вот у него за спиною висят обои.
Бывает, забуду твой голос, ну, как забуду,

Как, может быть, можно от боли забыть о боли,
Как может слова Иисуса забыть Иуда,
Как могут деревья и камни забыть обоих.

* * *

Царь с кошачьим лицом
Едет в гости к царю с овечьим.
Посылают гонцов –
Разгоните с крыльца увечных,
Всех, кто болен и слаб,
У кого хромота и язвы,
Хорошо бы без баб,
Только яйца крутить горазды.
Разойдись, говорят,
Не рассеетесь – будет хуже.
И у каждого взгляд,
Как разбитый кулак натружен.
Царь зверей и червяк
В равной мере бояться боли.
Мы рассеялись так,
Что уже не собрать нас боле.
От радушия нар
Между битых сибирских сосен
Едет-едет монарх,
А над ним полыхает осень.
Над его головой –
Полусфера заката в силах,
Над кровавой канвой,
Изогнувшись, форель застыла.
День сквозит коньяком,
Обжигая, стремится в глотки.
И почти что ни в ком
Наших черт не найти неловких.

* * *

Мой пёс умирал как Чехов. Он мог бы сказать Ich sterbe.
Когда появился доктор, он сам ломанулся в дверь бы.
Он сам повернулся на бок, пока говорили – надо бы...
Ему ничего не надо от Ольги-то Леонардовны.
Она колготилась подле, со щёк вытирая влагу.
Она собирала вещи, как будто он едет в лагерь.
Казалось, она сильнее, чем он, изменилась внешне.
Она составляла планы, с поправкой на смерть, конечно.

Здесь небо сытней и слаще разбавленного кумыса.
Ещё не умолкли мысли, а сердце уже умыто.
Он выпил воды из рюмки, а доктор – вина из чашки.
Поскольку пришёл впервые, смеялся и ждал отмашки.

Живому с живыми легче.
Ничто ничего не лечит.
В открытые настежь двери воздушная входит ось
Как поезд, сминая ближних
И дальних, внезапно лишних.
Но если у нас погасло, то где-то уже зажглось.

* * *

Познакомься, вот – камень, а вот – абрикос,
Это – вишня, дошла еле-еле.
Мы так долго живём, но спроси – а при ком?
При царице Елене.
Вот она поднимается в гору пешком,
Не жалея коленей.

В чём она понимала всегда от и до,
Кроме упряжи конной?
Отдавала трибуну супружеский долг
И стеснялась знакомых.
Здесь напрасно рисуют её молодой
На протравленных светом иконах.

Сколько лет ей? Неважно, а всё же не сто,
Чтобы близким казаться прозрачной.
Она крутится флюгером, чуя восток,
И, гонима удачей,
Замирает на склоне, глотая восторг
Вместе с ветром наждачным.

Столько зим провести за чеканкой монет,
Обездвиженный аверс стирая!
Август нежен с августой, но сходит на нет.
Сын твердит – «Ты стара!» – ей.
Это лето, коньячный его полуцвет,
И волна урожая вторая.

Её память обидами иссечена,
Но, по-прежнему, непогрешима.
«Отступишь», – говорят, а за ними видна
Только смерть на окраине Рима.
Вот она и уходит упрямо одна
От родных и любимых.

Тень ложится на тени, ломая витраж
На песке разогретом.
Виноград вдоль оград – крепкий, терпкий, не наш.
Вроде мелкой монеты.
Солнце падает в море как полый кругляш,
Распираемый светом.

* * *

На Малой Дорогомиловской
Расстрелян садик сиреневый.
На Соколе – окна ватные
И тумбочка прикроватная.
Зайдёшь – как на поле минное,
Обратно идёшь – скорее бы.

По дурости, по привычке ли
Оступишься, признаваться
Как время в глазах двоится?
Здесь Надя была сестричкой
В четвёртой реанимации.
А Таня была певицей.

Что слева направо брошено,
То справа налево найдено.
Как будто свиданье тайное,
Увидишь случайно – Таня ли?
Цветы на пальто поношенном,
Случайно заметишь – Надино?

Обласканный дом на Войковской.
Здесь нет никого сто лет уже.
Но Таня – она невидима.
И Надя – она невидима.
Небесного войска свойского

Сложения не геройского,
Без всякой посмертной ретуши.

Как более или менее
Мы медлить в сомненьях учимся,
Где Таня – неуязвимая,
И Надя – неуязвимая,
Где сёстры сердцебиения
Свои защищают улицы.

* * *

Горел сентябрьский цинк, и стыла охра,
Стекал закат по кончику ножа.
Я встала на карниз и мыла окна
На высоте седьмого этажа.

Цвело ведро густою мыльной пеной,
И, тряпку отыскав на дне его,
Я думала, что жизнь моя бесценна –
В том смысле, что не стоит ничего.

Застыв в опасных шлёпанцах над бездной,
Стекло газетным шоркая комком,
Я всех жалела маленьких и бедных,
Мелькающих в машинках и пешком.

Был уксус, ложек пять, с водой размешан,
Для кухни, криво врезанной в торец.
Я думала, что буду меньше, меньше,
И в старости исчезну, наконец.

Мир помутнеет как стекло в крахмале,
Душа, помедлив, прах переживёт.
А снизу мне покупками махали,
Крича, что поднимаются вот-вот.